

Сломанные вещи

Татьяна Романова

«Вопрос № 45. В 1860 году Ватикан принял официальное постановление о статусе религии вуду. О чем в нем говорилось?»

А) Участие в ритуалах вуду наказывалось отлучением от церкви;

Б) Вуду признали одной из разновидностей католицизма...»

Таки признали. Нажимаю клавишу подтверждения — и на экране появляется результат тестирования. Восемьдесят три балла из ста. Радость-то какая.

Ко мне уже спешит девушка в форме «Синтрела». Ее улыбка лучится столь искренним счастьем, что я понимаю: сейчас мне будут впаривать расширенный абонемент.

— Невероятно, Феврония! — восклицает она. — Сразу видно, что вы всерьез увлекаетесь вуду!

«Всерьез» — это два вечера в Анькином блоге. И дело тут не в моей одаренности. Наверное, для претендентов на роль жрецов культа вопросы были бы позаковыристы. Мне-то нужен самый простой абонемент, дающий право на участие в сантериях и беседу с лоа. О чем я и говорю девчушке, чтобы избавить ее от дальнейших огорчений.

В коридоре у имплантационной очередь. Вот же бедолаги. Ждут не дождутся встречи с богами — у «Синтетической религии» ассортимент богатый. Что и говорить, парень, который смог все это придумать, тот еще пройдоха. Прежние попытки создать виртуального бога обламывались то о тест Тьюринга, то о заключения комиссий по киберэтике. А «Синтрелу» хватило смелости признать, что искусственный интеллект никогда не дорастет до полноценной личности. И нет смысла прописывать миллионы строчек диалогового алгоритма и коммуникационных стратегий, если можно просто употребить мозги пользователя в качестве субстрата для взращивания личного бога. Ты говоришь с образом бога в своей голове — и этот бог никогда не обманет твоих ожиданий: ведь на восемьдесят процентов ты творишь его из себя. Из своих представлений о прекрасном и правильном, жизненного опыта, страхов и надежд. Этот бог всегда поддержит тебя в трудную минуту — твоими же словами, которые ты себе сказать не смел. И никогда, никогда не сделает тебе больно. Круто, правда? По мне, так ад крошечный.

— Надеемся, вам понравится, — говорит девчонка на прощание.

Надейтесь. Если бы не Анька, ноги моей здесь бы не было.

Она пропала две недели назад. Люди звонили мне по нескольку раз в час, а мне им просто нечего было сказать. Мы ведь почти не общались после того, как Анька

ФАНТАСТИКА

спуталась с «Синтрелом». Я все не могла взять в толк: как сестра после всего, что нам довелось пережить, может связываться хоть с какой-то религией? Понимаете, после того, как бешеная дворняга оттяпает вам пару-тройку пальцев, сложно испытывать умиление при виде славных пушистеньких щенят.

В жизни нашей семьи все пошло наперекосяк, когда я заканчивала третий класс. В Сети отец познакомился с неким толкователем Ветхого Завета, решил сходить на собрание — «чисто из интереса» — и пропал. И в прямом, и в переносном смысле. Вернулся он только через две недели, и это был уже другой человек. Человек, который *знает, как надо*.

На майские праздники он вывез нас с мамой «на природу» — в высокогорный поселок, где не было ни электричества, ни газа, зато «просветленных» личностей водилось в избытке. Пока мы спали, отец разнес в хлам двигатель машины и сжег наши документы и телефоны. А утром объяснил, что в нашей жизни начинается новая, светлая полоса.

Мама не выдержала где-то к середине лета — к тому моменту даже отъявленному оптимисту стало бы ясно, что это не пройдет и отец не образумится. Пообещала нам с Анькой, что вернется и приведет помощь... Не вернулась. Ее нашли только следующей весной, когда сошел снег.

Я много читала про секты и знаю, что нам с Анькой, можно сказать, повезло. К нам никто не приставал, не морил голодом. Бить — били, это да.

Конечно, мы не раз пытались сбежать. Конечно, нас ловили. И — вот честно — я бы, наверное, сдалась, если бы не Анька. Выбить из человека стремление к свободе не так сложно, как кажется. Сестра просто помнила, что жизнь бывает другой. И не позволяла забыть мне.

В семнадцать лет она все-таки удрала. Неделю блуждала по окрестностям, добралась до ближайшего города и вернулась за мной с нарядом полиции. Она меня вытащила. А теперь, видимо, настал мой черед. И если для этого придется лезть в синтреловский астрал, будь он неладен, что ж, так тому и быть.

Я напилась, конечно, — для храбрости, и вообще. Терпеть не могу момент, когда холодный штекер касается височного разъема. Оно вроде и не чувствуется — но мерзко до тошноты.

Смотрю в окно — там хорошо. Там сентябрь. Славное время: последние отдыхающие пакуют чемоданы, с набережной пропадают прилавки с магнитиками и барабулькой. Город наконец-то становится чист и прозрачно-светел. Хорошо, говорю же. Но мне сейчас не туда.

Ну, понеслась.

...Я стою на пыльном перекрестке. Солнце в зените. Мои пальцы черны от угля, губы солонны от морской воды, а на вытопанной дорожке красуется вева.

— Кому из лоа ты хочешь воздать хвалу, дитя? — спрашивает меня старик в широкополой шляпе из соломы, неуловимо похожий на швейцара, которого я видела утром в приемной «Синтрела». Забавненько.

— Йеманже.

Я говорю сквозь зубы, но голос мой певуч и нежен, как все в этом мире.

Лоа перекрестков пристально смотрит на меня. Кивает. Дороги, дрогнув в полуденном мареве, сплетаются в одну — и я иду по иссушенным стеблям травы, вдыхая соленый морской воздух. Хорошо сделали, ничего не скажешь.

Богиня сидит на берегу, запрокинув к небу лицо в перламутровых каплях. Оборачивается на звук моих шагов. И улыбается мне. Она не просто красива — странно, знаете ли, на пороге двадцать второго века удивляться красоте 3D-модельки. Она красива *так, как надо*.

— Мне надо найти сестру. — Ох, до чего же мне не нравится мой голос. — Ее зовут Анна Наумченко, в игре — жрица Астроция. Я хочу связаться с ней или оставить сообщение в личном кабинете.

Йеманжа смотрит на меня долгим, изучающим взглядом. И неожиданно подмигивает.

— Я помню Астроцию. Но сейчас ее нет с нами. Твои слова я передам в точности.

Что, и не будет ныть на тему «проведи еще пару часов в нашей славной нейросети»?

Не будет, понимаю я. Потому что я бы на такое не повелась.

— Ань, мы тебя ищем, — говорю я. — Твои друзья волнуются... я тоже. — И мстительно добавляю: — Анька, ну как ты могла снова в это вляпаться?

— Может, это не так и плохо? — спрашивает богиня. Подходит ко мне. От нее пахнет — точно! — апельсиновым фруктовым льдом. Когда-то мы всей семьей ездили в Анапу — каждое лето. Останавливались в одной и той же гостинице, где можно было заказать в номер мороженое и есть его на балконе, глядя на ночное море...

Черт. За что ты так со мной? Зачем это выколупывать из памяти? Но я не могу на нее злиться.

— У Астроции есть цель в жизни, — тихо говорит жрица. — Есть друзья. Последователи. Ее ценят, уважают и любят.

Вроде бы Йеманжа ни слова не говорит обо мне. Но на самом деле все наоборот. Это у меня нет друзей. Это я работаю курьером в службе доставки, это я по пятницам хожу в бар, чтобы выпить, и, если повезет, подцепить парня. Если очень повезет — такого, который не будет спрашивать, откуда у меня эти шрамы на спине и плечах. У меня ничего нет. Твоя жизнь скудна, игемон. А здесь пахнет апельсинами и морем. Здесь ноги щекошет ракушечник. И слышны голоса, счастливые, веселые. Там, за амарантовой рощицей...

— Просто поговори со мной, — ласково просит Йеманжа. — Тебе нечего стыдиться. Ты хорошая девочка, с которой случилось много плохих вещей. И незачем держать их в себе. Ну же.

Я только и могу, что давиться слезами, и мое «нет» настолько тихо и бестелесно, что его не слышу даже я сама. Йеманжа улыбается мне, и я понимаю наконец, чьи у нее глаза.

— Мама? — шепчу я.

И меня вышвыривает из рая.

Это больно, черт возьми. Это дико больно — голова просто разламывается. Я почти на ощупь добираюсь до картонной коробки с лекарствами. Нахожу анальгетик. И только тут до меня доходит, что за окном светло. А на дисплее телефона — ни много ни мало два часа дня. И десять пропущенных звонков — все с работы. Я что, провалялась в отрубе шестнадцать часов? Ничего себе побочка. Вроде как о таком меня не предупреждали.

Набираю номер начальницы.

— Вик, мне что-то... не очень. Наверное, грипп...

— Ты новости слышала? — перебивает она.

Через полчаса я наконец-то могу заставить себя взглянуть на нестерпимо яркий экран ноутбука.

«Крупный технический сбой... Компания «Синтрел» приносит глубочайшие... Жертвам инцидента для получения бесплатной медпомощи следует обратиться... Работа нейросети временно приостановлена».

Да уж. Облажался «Синтрел» на пять с плюсом — это самый крупный скандал в индустрии, наверное. Они сейчас будут из кожи вон лезть, чтобы замаять последствия. Бесплатные абонементы, что еще? Я прокручиваю страницу вниз. О, а вот это интересно!

Серия убийств. По предварительным данным, семнадцать эпизодов в восьми городах. Все совершены около двадцати двух часов по московскому времени. Пока следствие не предоставляет официальных комментариев... Да уж.

Я, конечно, не Натан Пинкертон, а довольно тупая девка с тремя классами общеобразовательной школы за плечами. Но сопоставить время этого массового безумия и технического сбоя, чуть не прожарившего мне мозги, могу. Проверяю с терминала записи камеры видеонаблюдения, установленной у входа в квартиру. Становится чуть легче: по крайней мере, я никого не убивала, да и ко мне никто не ломился.

Ближе к вечеру я выползаю на улицу за едой и новостями. Захожу в первый попавшийся супермаркет. Брожу вдоль стеллажей и слушаю новостные аудиоблоги. В Интернете стоит плач по утраченным синтреловским пажитям, а вот об убийствах говорят как-то вскользь. Потому что ни черта с ними не понятно.

Вот, предположим, есть госпожа N и господин M. Они живут в разных городах и знать друг друга не знают. Но поди ж ты, N, сама не ведая почему, покупает билет на самолет, приходит в гости к господину M и убивает его двумя ударами ножа в сердце. Зачем, за что — N объяснить не может. Мотив отсутствует. Комментарии пресс-службы МВД темны, что вода во облацех, а любительская аналитика сводится к комментариям типа «ерунда какая-то», «власти скрывают» и «нейросети несут зло». С последним я в общем-то согласна.

— Астроция? — слышу я чей-то испуганный голос.

Девушка, чуть помладше меня. Выглядит так же поганно: невымытые волосы, покрасневшие глаза. Рыбак рыбака видит издалека.

— Ты знаешь Астроцию? Я ее сестра.
— Знаю, конечно. — Она настороженно смотрит на меня. — Вы так похожи... Слушайте, вы ведь нам можете?

— В чем?

— Мы сегодня собираемся на азэрии. Там хорошее место для сантерии, никто не помешает. И нам очень нужен кто-то, кто помог бы провести ритуал. Мамба Астроция. Или вы.

В ее голосе — надежда. А в руках — пакетик с кукурузной мукой.

— Подожди. Вы что, собираетесь призывать лоа в реале?

— И да, и нет. — Она понижает голос. — Смотрите сами: синтреловцы просто перерубили нам точку входа. Мы связались с одним парнем... в общем, есть программа, которая поможет обойти протокол регистрации.

— А зачем это все? — спрашиваю я. — Какие-то кустарные программы... Нейросеть же включают со дня на день. Что, никак не потерпеть?

— Но он же живой! — испуганно шепчет девчонка. — Ему без нас плохо!

— Кому?

— Янгуасу, лоа тоски.

В первый раз о таком слышу, если честно. Но я понимаю: если и дальше задавать вопросы, девчонка просто-напросто убежит от недалекой сестры жрицы Астроции. Поэтому я просто киваю.

Если честно — да, мне было страшно. Более чем. Нелегальный нейрософт — та еще русская рулетка. И ведь нет никакой гарантии, что я сумею что-то узнать об Аньке. А с другой стороны, терять-то мне нечего.

Мы подходим к азэрию — я и моя новая подруга Алесса. На ступеньках сидит стайка детей. Все в черном, донельзя мрачные и решительные. На коленях у одной из девчонок — старенький нейропроцессор. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Ну конечно. Четырнадцатилетние девочки, основные ценители Эроса и Танатоса.

— Это сестра самой Астроции, мамба... — Алесса нерешительно смотрит на меня.

— Фро, — говорю я со вздохом. — Так что? Вы уверены, что вам туда надо?

— Янгуас не такой, как все лоа! Он появился в Ле Гвинеа позже всех. И он живой. Настоящий. — Девчонка с процессором морщится. — Но если вы сомневаетесь, мы сами все сделаем.

И мне ясно: сделают.

— Ладно, — говорю я. — Если что, хоть врача вызовите, что ли.

Нейропроцессор надсадно гудит, заглушая шум моря. Я зачерпываю пригоршню муки, посыпаю начерченный мелом веде — сложенные крылья.

— Ром. — Кто-то протягивает мне пластиковый стаканчик.

Но мои пальцы настолько прозрачны и бесплотны, что я уже не могу его взять. Я чувствую, как штекер нагревается и из ночной темноты на меня наплывает пряный запах земли и прелой листвы. И пока я еще здесь, девчонки, обступив меня, наперебой нашептывают

ФАНТАСТИКА

послания, которые я должна передать Янгуасу. И я и плачу, и смеюсь, потому что это прекрасно, черт возьми.

Здесь тихо. Кругом густая сельва, но туман гасит все звуки. И стоит мне испугаться, что я оглохла, как раздается звук шагов за спиной.

— Что ты тут делаешь? — изумленно спрашивает меня лоа тоски. — И где все остальные? С нейросетью что-то случилось?

Высокий бледный красавчик с неожиданно теплым и живым взглядом. Для депрессивных девчонок — то, что доктор прописал. Но я-то почему воспринимаю его таким? Моя тоска выглядит иначе. Я ее каждый день вижу в зеркале.

— Ага, «Синтрел» закрыл доступ, и теперь я вестник с той стороны, — провозглашаю я торжественно (вдруг дети слышат?). — Алесса хотела тебе передать, что она помирилась с парнем. Агате все-таки разрешили взять ту собаку из приюта...

— Хорошо, — улыбается он; и тут же хмурится: — Ты что, пришла через кустарный протокол активации?

— Ага.

— Балда, — беззлобно говорит Янгуас. — Ладно девчонки, но тебе-то зачем сюда лезть?

— Чтобы они не полезли. И... я ищу Астроцию.

— Анну Петровну? А что с ней?

Туман сгущается. Я слышу чьи-то испуганные голоса.

— Значит, так. Найди меня, — говорит он торопливо. — Парковая, восемнадцать, квартира семь. Запомнишь? Найди и объясни все, и я тебе помогу.

Я просто не знаю, что сказать. Это он точно не мог вытащить из моей головы.

— А почему ты просто не можешь сказать, где Анька?

— Потому что я копия трехнедельной давности. А оригинал знает больше.

Сквозь райские кущи проступают очертания какой-то каморки — прямоугольники мониторов, провода, тянущиеся к вискам человека на кушетке. А сквозь эту каморку — еще один план: темный навес азэриия, белые пятна лиц, склонившиеся надо мной...

Висок плавится от невыносимой боли — и я вытаскиваю штекер.

— Ну? Что он сказал? — шепчет кто-то из девчонок.

— Сказал, что всех вас любит, — отвечаю я. — Что будет ждать, сколько надо, пока «Синтрел» не починит нейросеть. Что все вы со всем справитесь. И что уши вам надерет, если кто-то из вас повторит этот фокус с обходом блокировки.

Он этого не говорил, конечно. Но я думаю, сказал бы.

Ночью автобусы не ходят, поэтому до Парковой я добираться только на рассвете. Улица как улица — по крайней мере, она существует, а это уже немало.

Тетка в цветастом сарафане провожает меня подзрительным взглядом. Выгляжу я хреново — что есть, то есть. В точности, как человек, который за двое суток дважды пережил не слишком удачное путешествие в Ле Гвинеа и догнался пешей прогулкой по ночному Геленджику.

Я поднимаюсь на второй этаж и нажимаю на кнопку звонка грязным пальцем. Дверь открывает Янгуас — в шортах и гавайке, сонный, лохматый. Он оторопело смотрит на меня.

— Я Феврония, — говорю я, — сестра Анны Петровны.

Видимо, после эйр и прочих алесс Февронией его не проймешь. Он молча пропускает меня в прихожую — аккуратную, светлую.

— Я вообще-то Олег, — несколько растерянно говорит он. — А что? У Анны Петровны неприятности?

На кухне, наверное, очень тепло. Но меня бьет озноб. А Олег, как ни в чем не бывало, продолжает рассказывать, во что вляпалась Анька. Если вкратце, моя умная и рассудительная старшая сестра решила влезть в синтреловскую нейросеть, чтобы ее усовершенствовать. Интегрировать в программу копии сознания реальных людей. Как назло, нашелся какой-то сумрачный гений нейрокодинга, которому эта затея пришлась по душе. И подопытный кролик тоже нашелся.

— Мы с Анной Петровной только в мае познакомились. — Парень, похоже, искренне не понимает, почему это я не в восторге. — Она мне написала в соцсети. Пригласила в проект — не знаю уж почему.

Зато я знаю. Я вижу на холодильнике фотографии из детского лагеря: мальчишки, судя по затрапезным одежкам, детдомовцы — теснятся, чтобы встать поближе к любимому вожатому. Беспородную одноглазую кошку, дремлющую на подоконнике. Старую, совершенно убитую гитару в углу. И себя тоже вижу в отражении оконного стекла — я бы такое чудо и на порог не пустила.

— Потому что ты любишь сломанные вещи, — говорю я. — И много вас таких в нейросети?

— Может, вообще один я, — отвечает он. — У меня нейросканирование прошло гладко, а у Анны Петровны, как я понял, нет. Этот спец несколько раз пробовал запустить протокол, и ничего не выходило.

— Хорошо бы, — говорю я.

Нет, поймите меня правильно, я люблю сестру, я ей жизнью обязана. Она добрая, славная. Просто после нашего счастливого детства ее на километр нельзя подпускать к чужим мозгам. Слишком уж накоротке она с тьмой. Как и я.

— Так что случилось? — Олег настороженно смотрит на меня.

— Давай так: просто скажи мне, как найти этого вашего нейрокулибина, и я пойду.

— Прямо сейчас? Извини, конечно, но выглядишь ты не очень. — Он краснеет (прелесть какая). — В смысле, тебе бы отдохнуть...

Отдыхать мне некогда, но вот от душа я отказаться не могу. Стыдно же. Даже не перед этим мальчиком, а перед Анькой. Что бы она сказала... нет, что она скажет,

увидев меня такой? Вонючая футболка, вся в разводах морской соли, ни к черту не годится.

— Одолжишь мне какую-нибудь рубашку? — Я высовываюсь из-за двери ванной, завернувшись в полотенце. — Потом постираю и верну, ага?

Олег кивает. И не думает отводить взгляд от моих расписных плеч. Ну что ж, сама виновата.

— Интересный узор, — отмечает он. — Как водоросли. Он что-нибудь значит или это так, для красоты?

Издевается? Потом до меня доходит — нет, это он все-ррез, летнее дитя. В его мире девчонки нарочно делают шрамирование — чтобы сынтересничать.

— Мастер был хороший, это да.

— Так, подожди... — Улыбка сползает с его лица. — Это что, настоящие?

И я понимаю, что влипла. Очень уж я многообещающий экземпляр для любителя сломанных вещей.

В этой части города всегда тихо. Раньше здесь был огромный санаторный комплекс, но его закрыли на реконструкцию, и продвигаются работы, скажем так, не семимильными шагами.

— Он вообще кто, нейрокодер этот? — запоздало интересуюсь я.

— Симаков? Один из первых разработчиков «Синтрела». Ага, я тоже удивился, когда Анна Петровна мне сказала. Я потом порылся в Сети — ни в Википедии, ни на официальном сайте про него ни слова. Но на старых фотках они с гендиректором чуть ли не за ручки держатся.

— А теперь он сторожит этот хламовник?

— Дауншифтинг. — Олег пожимает плечами. — Хотя странно, да. Уж не знаю, из-за чего он расплевался с «Синтрелом», но мне кажется, спец такого уровня мог бы устроиться и получше.

Мы перебираемся через забор. Оглушительно стрекочут цикады, бетонные дорожки растрескались, поросли высокой, почти до колена, травой. Даже не верится, что по ту сторону — шумный приморский город.

— Вот там у него что-то вроде лаборатории. — Олег указывает в сторону трехэтажного домика, сохранившегося лучше остальных. — А живет он в бытовке. По крайней мере, в прошлый раз мы с Анной Петровной его там нашли.

Он оглядывается по сторонам. Снимает с плеч рюкзак. Расстегивает внутренний карман и протягивает мне пистолет.

Ого!

— Возьми, пусть у тебя будет. Он мутный тип. Есть в нем что-то такое... — Олег неопределенно подергивает плечами. — Если на меня найдет, как на тех бедняг из новостей, лучше стреляй сразу. Резервная копия у меня есть, если что.

— Иди ты, — огрызаюсь я, но пистолет беру.

Дверь бытовки открыта настежь. По мере приближения запах — одуряющий, мерзкий, гнилостный — становится все тошнотворнее. У меня подкашиваются ноги. Больше всего мне хочется развернуться и рвануть прочь, обратно, к людям, у которых по ту сторону забора лето и счастье. Но я заставляю себя идти.

— Стой, — говорит Олег. — Я посмотрю.

Эти минуты кажутся мне вечностью. Наконец он возвращается — бледный, нетвердо держащийся на ногах.

— Ее там нет, — бормочет он. — Тебе не надо...

Да, это прекрасный способ удержать меня. Я врываюсь в вагончик. Мухи. Ужасно много мух. И в этом мельтешении еле различимо распластанное на полу тело: Симаков мертв и, похоже, уже не первый день.

Я бегу к лаборатории. Олег кричит что-то про полицию. Но какая, к черту, полиция? А если Анька сейчас там?! После яркого света глаза не могут привыкнуть к темноте коридора. Все, что я вижу сквозь багровые сполохи, это двери — чертову прорву чертовых дверей. «Аня!» — ору я. Мой голос гаснет, но где-то в глубине здания раздается стон. Короткий, еле слышный, но мне этого довольно. И я мчусь на звук — нет, уже на тень звука, — поскользнувшись на старом линолеуме, наткаясь на тумбочки и стеллажи. И запоздало вспоминаю, что я вообще-то пистолет в руке держу и надо бы, наверное, хоть что-нибудь... и замираю на пороге той самой комнаты, что прорезалась сквозь райские кущи, когда я беседовала с Янгусом.

Стекла окон замазаны краской, но в комнате почти светло от мерцания мониторов. По стенам змеятся кабели и провода, пахнет пылью, озоном, раскаленным железом. И немного — чистым, дистиллированным ужасом. Девчонка в грязном сарафане, забившаяся под стол, смотрит прямо на меня, но не видит.

— Лоа Венганца, — шепчет она, с трудом разомкнув сцепившиеся губы. — За что?

Лоа Венганца, значит?

— Тихо, тихо! — Я присаживаюсь рядом с ней, отвожу от лица мокрую от пота прядь волос, дотрагиваюсь до пылающего лба; девчонка испуганно всхлипывает. — Я здесь. Все хорошо.

— Я не знала, что будет так! — Ее пальцы, горячие, с засохшей кровью под ногтями, впиваются в мое запястье с отчаянием утопающего. — Я испугалась, Венганца. Но я все сделала! Ты была права: он заслужил, да...

Она вытаскивает из-под стола замызганный альбом для фотографий — я такие только в музее и видела. Пухлая книжечка с ромашковым полем на обложке. Внутри, впрочем, не все так невинно. Почти все вкладыши заполнены распечатанными снимками изувеченных женских тел. Старый добрый снафф. В сети такого навалом, но что-то подсказывает мне, что тот, кто делал эти фотографии, не графическими редакторами баловался. И подготовкой моделей тоже занимался сам.

Я догадываюсь теперь, из-за чего этого уroda вышибли из «Синтрела». Конечно, предавать такое хобби огласке никто не стал бы — это коммерчески нецелесообразно. Просто сказали товарищу: вот бог, вот порог, а вот компромат на тебя.

— Идем отсюда. — Я помогаю девчонке подняться, и мы выходим в коридор, навстречу Олегу. По нему видно: не одна я узнала, сколь многогранен талант господина Симакова.

— Там, наверху... — Он растерянно смотрит на меня. — В общем, я вызвал полицию.

— Помоги ей, — прошу я.

Олег кивает, подхватывает девчонку на руки и несет к выходу. На мне остается ее взгляд — испуганный, просивший, безумный.

ФАНТАСТИКА

Черт возьми, Анька, оно того стоило? Конечно, хорошо, что этот урод больше никому не причинит вреда. Он-то смерть десять раз заслужил. Но вот эта девчонка, которая доверилась мудрой лоя мести, — она что, тоже заслужила? А ведь это теперь будет с ней до скончания дней... Я смотрю на кресло в углу комнаты. На кабель, подключенный к процессору. «Ань, помоги мне, — прошу я. — Последний раз. Помоги». Активирую приложение «Синтрела». Зажмурившись, вставляю кабель в нейропорт — и в этот самый момент понимаю, насколько же это глупо, насколько же мало у меня шансов не то что найти Аньку, а хотя бы выжить. Но ничего уже изменить нельзя.

— Я ишу лоя Венганцу! — кричу я, едва завидев сгорбленную фигуру Владыки перекрестков.

Белая вспышка. Вкус крови во рту. И темнота.

Отец изменился за эти двенадцать лет, конечно. Я просто не могу поверить, что этот толстый, обрюзгший старик столько лет был моим кошмаром. Наверное, я в его доме — Анька рассказывала, что после суда он обосновался в поселке недалеко от общины. За окном глубокая ночь, но можно разглядеть белую «Ниву», припаркованную у входа. Кажется, такая стояла у лаборатории Симакова. Ай да я, ай да молодец. Угнала вещдок по делу об убийстве, находясь под воздействием нелегального нейрософта... Интересно, это смягчающее обстоятельство или наоборот?

Под потолком тускло светит засиженная мухами люстра, и в отражении оконного стекла я могу насладиться нашей семейной идиллией. Отец сидит на засаленном диване и вертит в пальцах погасшую сигарету. А я стою напротив, и в моих руках пистолет. Вот так.

От отца мне ничего не надо. Но Анька решила за меня. За нас обеих.

— Феня, — говорит он, и от звука этого сиплого голоса у меня внутри все переворачивается, — пришла все-таки? Наказать меня решила?

Он не спрашивает, за что. Он знает.

— Ты убил маму, — говорю я, и это не вопрос.

— Не я, Феня! Не я. Я просто вернуть ее хотел. Привести обратно к вам с Анечкой. Попросил Игната помочь мне: он лес лучше всех знал. Мы ее выследили, я пытался ее переубедить, но она как не в себе была. А Игнат...

— Увлёкся. Всего лишь увлёкся. Да, пап? А ты стоял и смотрел.

А вот это уже не заемная, не Анькина ярость, а моя. Холодная, чуть отстраненная. Некоторые воспоминания срока давности не подлежат. Я помню, как Анька чуть на тот свет не отправилась от ангины, а он отказывался

ФАНТАСТИКА

везти ее в город: мол, вера все преодолает. Помню, как мы с сестрой стояли над свежей могилой, навсегда отменившей весну. Помню, очень хорошо помню, как хрустят зубы, когда ремень падает на рубцы, только что затянувшиеся свежей розовой кожей.

Я уверена: если повернуть голову, то можно увидеть, как из темноты, хищно облизываясь, выползает лоа мести — чудовище, которое Анька выпустила наружу, чтобы помочь тем, кто сам отомстить не в силах. Падать уже некуда. Вот она, бездна. Вот он, темный и желанный дар на дне этой бездны — руку протяни, и он твой...

— Хватит, — говорю я, опускаю руку, и пистолет падает к моим ногам.

Потому что я больше, чем тьма внутри меня. Потому что мне есть куда возвращаться и кого спасать. Я поворачиваюсь и иду к выходу.

— А ну стой! — орет отец мне вслед.

Вот теперь он действительно испугался меня. Потому что перестал понимать.

— Стоять, я сказал!

Что-то обжигает левую руку чуть выше локтя. Я оборачиваюсь и вижу, как отец с пистолетом в руках — а вот нечего оружием разбрасываться — растерянно смотрит на дело рук своих.

— Феня, — шепчет он, — извини, дочка...

Я гляжу на пятно, которое расплывается на рукаве рубашки. Раньше там были разные цветы — белые, бирюзовые, оранжевые. Сейчас все становится красным.

— Спасибо за гостеприимство, пап, — говорю я.

И ухожу.

Сколько раз я пыталась представить себе, как сестра ночью пробиралась через лес — со сбитыми в кровь ногами, полуживая от голода и усталости. И думала: «А я бы смогла?» Теперь вот довелось проверить.

Я знаю, где сейчас Анька. И иду за ней. Под ногами хрустит валежник, брести приходится почти на ощупь: небо затянуто плотными тучами. Пару раз я отключалась, но в целом — держусь. Это ведь не пуля в висок, а всего лишь предплечье навывлет — жить да жить. Особенно, если добраться до больницы. Вот только у меня времени немного, а у Аньки его совсем нет.

Большая часть хижин за тринадцать лет обветшала, но кирпичная церковь держится. Не сразу — ручка то и дело убегает от пальцев, липких от крови, — но я ухитрюсь открыть дверь. Анька — там. Исхудавшая до ужаса: даже сквозь одежду видно, как торчат ребра. Глаза открыты, но Анька видит не меня. Она лежит на матрасе, опутанная проводами, — оба височных нейропорта подключены к процессору.

Анька всегда была упрямой. Если уж не удалось подселить в нейросеть виртуальную копию, значит, надо самой уйти в сеть, не оставив путей отступления.

— Ты ведь убежала отсюда. — Я реву; мне можно, я младшая. — Ну зачем ты вернулась? Зачем? Да еще и других за собой притащила.

— Помочь хотела, — шепчет она. — Им нужно...

Я тянусь к процессору.

— Не надо... — Губы Аньки дрожат. — Я вся там, здесь уже ничего не осталось. Расскажи, они смогли? У них получилось?

— Получилось. — У меня уже нет сил врать. — Только ты подумала, как им с этим дальше жить?

— Справятся... — Она пытается улыбнуться. — Зато те подонки больше никому не сделают больно.

Я достаю из рюкзака мобильник. Дисплей расколот, разъемы забиты песком и грязью. А на обратную дорогу меня, наверное, просто не хватит — черные точки мельтешат перед глазами.

Я ложусь рядом с сестрой, и мне почти хорошо. Дождь стучит по крыше. Стены то наплывают на меня, то уносятся вдаль. Жаль только, что я не сумею вернуть Олегу рубашку. А в остальном все нормально. И я глажу мою лоа мести по руке — бескровной, холодной, как у манекена. И рассказываю ей сказку. Потому что теперь — моя очередь. Сказку про чьи-то торопливые шаги, про проблесковый маячок на крыше машины скорой помощи, про свет, который есть, которого не может не быть...

Мы идем вдоль берега. С неба то и дело срывается мелкий дождик. Но так и надо — все-таки октябрь на дворе. Наш с Анькой месяц. Через неделю мне будет двадцать шесть, а ей сегодня не исполнилось тридцать. И я наконец-то решаюсь спросить, потому что чувствую: сегодня — можно.

— Как ты меня нашел?

Олег отвечает не сразу. Но все-таки отвечает:

— Она подсказала. Я не знаю, как объяснить. Когда ты пропала, я понятия не имел, куда бежать. А потом вдруг увидел тебя в той хижине. Слово бы ее глазами. И нужный поворот на трассе увидел, и тропинку через лес... — Он разводит руками. — Ребята из технического отдела сказали, что это невозможно: к тому моменту наглухо отключили нейросеть.

— Она где-то есть, — говорю я, и он согласно кивает.

Дальше говорить об этом просто страшно. И мы говорим о другом. О фильмах, о собаках из приюта, о массовом бегстве пользователей из «Синтрела»... и опять о собаках. С присутствием в нашей квартире как минимум одной, самой несчастной, мне, похоже, придется смириться.

И тьма по-прежнему ползет за мной, куда ж она денется. Но я вспоминаю последний Анькин взгляд, оборачиваюсь — и тьма отступает, стекает по холодным камням в серое море. Хотя бы на время.

